

Когда слова иссякли, между отцом и сыном повисло тяжелое молчание. Хан Чжо всматривался в лицо первенца, в его холодные, пронизательные глаза, которые, казалось, ведали обо всем на свете — и вместе с тем не выражали ровным счетом ничего.

За этим взглядом Хан Чжо чудилась его покойная первая жена, госпожа Ван. Перед самыми родами она смотрела на него точно так же — тяжело, пронизательно, заставляя чувствовать себя неловко и жалко. Порой герцогу казалось, что её решение рожать в поместье маркиза Цзинго было промыслом божьим — волей небес, пожелавших сберечь этих двоих детей.

Он до сих пор помнил, как стоял у дверей родильной палаты. Вокруг суетились люди, служанки то и дело проносили мимо тазы с багровой кровью... Что он чувствовал тогда? Страх? Облегчение? Быть может, толику скорби? В конце концов все эти чувства утихли, сменившись глухим спокойствием.

Когда младенцы родились, госпожа Ван была уже при смерти. Войдя в покои, Хан Чжо увидел, как жена плачет, глядя на новорожденных. Она крепко сжала его ладонь и взмолилась:

— Они не испили ни капли моего молока и никогда не вспомнят родную мать. Но в их жилах течет кровь рода Хань... Прошу, защити их. Позволь им вырасти.

Разумеется, он поклялся исполнить её волю. До последнего вздоха несчастная не сводила глаз со своих крошек. Ей наверняка хотелось обнять новорожденных сына и дочь, но сил хватило лишь на то, чтобы едва коснуться их щек слабеющими пальцами. С этим она и ушла. У её ложа Хан Чжо плакал навзрыд.

К слову, ни Хан Сиэнь, выросший в семье Хань, ни только что вернувшаяся с заставы Небесных Врат Хан Минчжу внешне не походили на род Хань — оба уродились вылитыми копиями своей матери.

Хан Чжо уже давно позабыл первую жену, её образ почти стерся из памяти, но сегодняшнее возвращение Минчжу и этот взгляд Сиэня всколыхнули бывшие воспоминания.

Герцог собирался было оставить первенца на ужин, но из-за потревоженного прошлого всякое желание делить с ним трапезу пропало. Наскоро бросив несколько пустых, вежливых фраз, Хан Чжо отпустил сына.

Сиэнь и сам не стремился разделять стол с отцом. Даже если бы тот настоял, он непременно нашёл бы повод откланяться, так что решение Хан Чжо его полностью устроило.

Вернувшись в дворик Душистых Орхидей, Хан Сиэнь вошёл в комнату и небрежно бросил на стол ассигнации. Стопок бумаг хватало примерно на тысячу ланей серебром.

Пожалуй, прежний Хан Сиэнь в своей жизни не держал в руках столь крупных денег.

Из-за слабого здоровья прежний Сиэнь проводил дни в постели, глотая лекарства и лелея слабую надежду. Он всем сердцем желал окрепнуть, чтобы просто выйти за ворота усадьбы и побродить по улицам, пусть даже без шумных юношеских игр и забав.

Однако эта мечта оставалась непозволительной роскошью. Ежемесячно ему выдавали жалкие гроши, а няня Дун изо дня в день зудела над ухом, уверяя, что все его лекарства состоят из редчайших драгоценных снадобий, и без конца твердила, как сильно старая госпожа и герцог дорожат им и заботятся о его благополучии.

Тот, прежний Сиэнь, возможно, всё понимал, а возможно, слепо верил её речам. За последние годы он ни разу не переступил порог усадьбы. Без друзей, без любящей семьи — весь мир словно забыл, что у герцога Хань есть законный наследник.

В каком-то смысле их прежнее существование было схожим. Сиэнь грустно усмехнулся этой мысли и тут же выбросил её из головы. Какая теперь разница? Всё это в прошлом.

Стоявшая неподалеку Би Хуа заметила, как внимательно наследник разглядывает деньги, и её сердце тревожно сжалось.

Эти ассигнации живо напомнили ей о шкатулке наследника, из которой няня Дун за годы потихоньку выгребла все ценности и монеты до последнего медного гроша. Все служанки знали об этом, но молчали — никто не желал навлекать на себя неприятности, предпочитая закрывать глаза на творящееся беззаконие.

Пусть они не вредили молодому господину напрямую, но их молчаливое пособничество и безучастность мало чем отличались от предательства. От этих мыслей Би Хуа пробрала ледяная дрожь.

Хан Сиэнь прекрасно понял, о чём она думает, однако не стал успокаивать девушку или использовать момент, дабы привязать её к себе. По его мнению, человеческая преданность — вещь слишком хрупкая и переменчивая, чтобы дорожить ею.

Наследник небрежно смахнул ассигнации со стола и переложил их в шкатулку. Та была старой и обшарпанной, внутри по-прежнему сиротливо поблескивали лишь несколько мелких кусочков серебра, однако сам ларец теперь сиял чистотой, а все вещи на столе были разложены в идеальном порядке.

Захлопнув крышку шкатулки, Сиэнь небрежно бросил:

— Ступай на кухню и принеси побольше мягких сладких сластей.

Хан Сиэнь обожал сладкое. Приторный, почти вяжущий вкус, от которого у других сводило челюсти, казался ему нектаром богов, и скрывать это пристрастие он не собирался.

Би Хуа торопливо поклонилась, тихо ответила согласием и выскользнула вон. Наследник редко изъяснял свои желания вслух, предпочитая показывать их действием: например, он ценил тишину и не выносил громких приказов. Служанки быстро переняли эту привычку, сообразив, что в его присутствии повышать голос строго запрещено.

Выйдя во двор, она подозвала Юнь Чжи и велела той забрать с кухни ужин. Среди прислуги в дворике Душистых Орхидей лишь Би Хуа постоянно находилась подле Наследника. Остальные девицы боялись проронить при нём хоть слово, а потому во всём слушались её указаний.

Хан Сизнь никогда не делил трапезу с остальными домочадцами. Прежде его попросту не приглашали, а теперь он сам брезговал их обществом. Зато на кухне ныне из кожи вон лезли, чтобы угодить молодому господину — даже если нужного кушанья не было, повара расшибались в лепешку, но находили способ его приготовить.

Матушка Чжан, некогда взиравшая на слуг из дворика Душистых Орхидей свысока, теперь при встрече с ними гнула спину в глубоком поклоне.

Обывателю могло показаться, что расправа над собственной кормилицей — лишь внутреннее дело дворика Душистых Орхидей. Служанки вроде матушки Чжан, ходившие в любимицах у старой госпожи, надеялись, что наследник не посмеет чинить им препятствий. Но стоило до них дойти слухам о том, как безжалостно Сизнь растоптал авторитет матушки Ван, как желание прикрываться именем старой госпожи мгновенно улетучилось.

В конце концов, слуги на то и слуги — они тоньше всех чувствуют перемену ветра и лучше всех знают законы выживания. Потеряй Сизнь благосклонность господ завтра, они принялись бы помыкать им с прежней жестокостью. Но сейчас злить его никто не рисковал.

По дороге на главную кухню Юнь Чжи столкнулась с Ло Ся. Заметив её, та поджала губы, а в глазах сверкнула обида. Юнь Чжи лишь негромко окликнула её и, втянув голову в плечи, поспешила пройти мимо.

Заметив неладное, Би Хуа тут же утянула Ло Ся в сторону:

— Что это вы устроили? Даже если кошка между вами пробежала, не смейте показывать характер на глазах у Наследника. Наследник не выносит лишнего шума и болтовни.

Нрав Сизня в последнее время сделался непредсказуемым, но в одном Би Хуа была уверена твердо: склок и праздных пересудов в своём дворике он не потерпит.

Ло Ся обиженно захлопала ресницами, и в её глазах заблестели слезы:

— Сестрица Би Хуа, я вовсе не желала ссориться! Но Юнь Чжи поступила подло. Сегодня, пока тебя не было, я кое-как разузнала вести о четвертой барышне. Сама идти к господину

побоялась, вот и рассказала всё Юнь Чжи. А та, когда подносила лекарство, выложила всё слово в слово, даже не упомянув меня!

Вся заслуга досталась другой, и Ло Ся, разумеется, кипела от злости.

Будь они служанками у любого другого господина, непременно побежали бы хвастаться добытыми сведениями лично. Но предстать пред ясными очами Хан Сиэня никто не смел — страх сковывал девиц по рукам и ногам. И всё же обида от украденной заслуги отравляла душу, рождая глухую злость.

Би Хуа поняла: если вовремя не сгладить этот острый угол, глухой раздор обернется бедой. Случись из-за их вражды хоть малейшая оплошность, молодой господин выставит обеих без капли жалости.

— Ты побоялась заговорить с наследником, а Юнь Чжи, думаешь, не робела? — мягко спросила она. — Уверена, что она умышленно промолчала о тебе? Может, у неё просто язык от страха отнялся? Или она побоялась, что вести разгневают господина, и решила не подставлять тебя под удар?

Ло Ся растерялась.

— Я не знаю... — тихо пролепетала она.

Би Хуа ласково сжала её пальцы:

— Мы служим вместе уже немало времени. Раньше каждая была сама по себе, но теперь мы все ходим подле молодого господина. У него острый взгляд, неужели он сам не разглядел, кто у нас в дворике лучше всех умеет разузнавать новости? Подумай об этом хорошенько и не держи зла на подругу. И помни: пока мы верно исполняем свой долг и не перечим его воле, Наследник не станет гневаться по пустякам.

Ло Ся послушно кивнула.

Когда Юнь Чжи принесла из кухни поднос, уставленный лакомствами, служанки поспешили удалиться: Сиэнь терпеть не мог, когда во время трапезы кто-то стоял над душой.

Для обычных господ такое усердие считалось признаком хорошего тона, но для него оно ничем не отличалось от слежки.

Укрывшись в дальнем углу двора, служанки наконец смогли поговорить без утайки. Юнь Чжи, утирая слезы, призналась, что, оказавшись перед Наследником, едва не лишилась чувств от страха. Все мысли враз вылетели из головы, и она просто побоялась сболтнуть лишнее, чтобы не навлечь на себя и подругу гнев господина.

Ло Ся, устыдившись своей мелочности, принялась неловко извиняться за напрасные подозрения. В конце концов обиды растаяли, уступив место согласию, а случившееся превратилось в их маленькую общую тайну.

Наблюдая за их примирением, Би Хуа вздохнула с облегчением. По крайней мере, теперь они четко понимали свое положение и границы дозволенного.

В маленьких девичьих уловках не было греха, но если бы их раздоры потревожили покой наследника, расплата оказалась бы слишком суровой.

Разумеется, эти девичьи разговоры не укрылись от проницательного взгляда Хан Сиэня, однако он и ухом не повел. Пусть его слуги учатся сами усмирять свой нрав и ладить друг с другом — так будет лучше для них же. Если не справятся — его это мало заботило, пока дело не касалось его собственного покоя. А станут мешать — разговор с ними будет коротким.

На следующее утро Хан Сиэнь проснулся позже обычного. Прежний Сиэнь, стоило недугу слегка утихнуть, тут же покорно спешил выразить почтение старой госпоже. Нынешний же не навестил её ни разу. У него не было ни малейшего желания дрожать от холода на пороге её покоев ради сомнительного удовольствия выслушивать притворные вздохи о его здоровье.

Умывшись и приведя себя в порядок, он принялся за рисовый отвар, но поморщился — остывшая жижа показалась ему совершенно безвкусной. Вспомнив о вчерашнем отцовском подарке, Сиэнь решил устроить в своём дворике отдельную кухню, чтобы стряпать еду по собственному вкусу. Похоже, стоило ему обзавестись лишней монетой, как в голове тут же созрела затея.

Задумано — сделано. Он вызвал слугу Ань Цао и изложил ему свое намерение. Тот озадаченно почесал затылок:

— Наследник, в поместье есть свои каменщики и печники. Но подобные работы у нас оплачиваются из общей казны, а без письменного разрешения управляющего ни один мастеровой за работу не возьмется.

Сиэнь равнодушно бросил:

— Плачу я, твоё дело — нанять рабочих. Если боишься бумажных хлопот, просто найми людей с улицы.

От этих слов у Ань Цао на душе заскребли кошки. Он виновато заулыбался:

— Помилуйте, наследник! Уличные ремесленники — народ пришлый, у них руки нечистыми могут оказаться, того и гляди утащат что-нибудь. К тому же в поместье живут благородные барышни да господа, неровен час столкнутся с чужаками — беды не оберешься.

Сизнь лишь одарил его коротким, ледяным взглядом. У Ань Цао мгновенно перехватило дыхание, и он торопливо зачастил:

— Понял, всё понял, наследник! Ваш покорный слуга расшибется в лепешку, но устроит всё в лучшем виде!

Сизнь лишь безучастно кивнул и замолчал. Поняв, что разговор окончен, Ань Цао попятился к дверям со скорбным лицом. Не успел он уйти, как у ворот послышались голоса — слуги доложили о прибытии четвертой барышни, Хан Минчжу, и седьмой барышни, Хан Цинюань.

Хан Цинюань, законная дочь госпожи Вэнь из третьей ветви семейства Хань, выросла в цветущей Цзяннани. Вместе с братом, Хан Юэцином, они безвыездно жили на юге под крылом родителей и пожаловали в столицу лишь ради пышного юбилея старой госпожи.

На юге Цинюань привыкла к полной свободе: её мать правила домом безраздельно, а сама она была первой барышней, чье слово почиталось за закон. Жизнь в столице тяготила её — здесь приходилось соблюдать бесчисленные правила приличия, да и положение их ветви в главном доме было весьма скромным.

Недавно она спросила у матери, когда они наконец вернутся в Цзяннань к отцу, но та оборвала её столь резко, что у Цинюань закралось тревожное предчувствие — на юг им больше дороги нет.

Ещё по дороге в столицу госпожа Вэнь строго наказывала детям держаться поближе к Хан Юэвэню, любимому сыну старшего дяди. О первенце же герцога, Хан Сизне, мать отзывалась как о полуживом задохлике, с которым не стоит водиться, дабы не навлечь на себя гнев старой госпожи.

Очутившись в герцогском поместье, Цинюань быстро сообразила: для старой госпожи не существовало никого, кроме старшей сестры, Хан Цинсюэ. Заискивать перед бабкой было без толку. К тому же чахнувший Сизнь ныне вовсе не выглядел умирающим. Пока он жив, титул наследника принадлежит ему, и Хан Юэвэню до него не дотянуться. Так какая разница, кого сторониться, а с кем знаться?

Поэтому, завидев Хан Минчжу, за которой слуги тащили тяжелый сундук в дворик Душистых Орхидей, Цинюань из чистого любопытства решила пойти следом. Ей безумно хотелось узнать, что скрывается под крышкой.

Узнав о прибытии молодых барышень, Би Хуа и служанки бросились встречать гостей. Сам же Сизнь напрочь позабыл о том, что вчера собирался навестить сестру.

Пред Би Хуа предстали две совершенно разные барышни. Хан Цинюань — хрупкая, изящная, с тонкими чертами лица и певучим, мягким говором южанки. И Хан Минчжу — ослепительная, статная красавица, приковывавшая к себе взгляды каждым движением, исполненным

врожденного благородства.

Любой рядом с ней казался блеклой вороной подле яркого феникса, сорной травой у подножия царственного пиона.

Би Хуа скрыла свои мысли за приветливой улыбкой и провела гостей во двор.

Шагнув под сень дворика Душистых Орхидей, Минчжу принялась украдкой осматриваться. Печально известной няни Дун, о которой шепталось всё поместье, у ворот не было видно. Сам дворик ютился в самом глухом и отдаленном уголке усадьбы — поговаривали, будто его отвели наследнику ради тишины, необходимой для лечения.

Дворик был совсем невелик — куда меньше её собственных покоев — и выглядел заброшенным. При виде этого унылого запустения Минчжу вспомнила исхудалый силуэт брата, и сердце её болезненно сжалось.

Ей вспомнилось, как перед отъездом с заставы Небесных Врат Старая госпожа Ван крепко сжимала её руки и без конца наказывала: «Когда вернешься в дом Хань, не смей ссориться с братом. Даже если он скажет что-то колкое или резкое — не принимай близко к сердцу, просто отойди в сторону, но ни в коем случае не копи в душе обиду и злобу».

Лишь теперь Минчжу до конца осознала горький смысл этих предостережений: бабушка прекрасно понимала, что Сиэнь, несмотря на громкий титул наследника, в доме Хань терпел лишь нужду и обиды, пока его сестра у родственников матери ни в чём не знала отказа.

Когда они приблизились, Хан Сиэнь сидел под раскидистым абрикосовым деревом, неторопливо попивая чай. На столике перед ним стояли блюда с изысканными сладостями. Заметив девушек, он лишь слегка приподнял веки, не проронив ни слова приветствия.

Минчжу смотрела на брата с неизбывной жалостью, Цинюань же нисколько не испугалась его бледности — в Цзяннани ей случалось видеть жертв голода, чьи лица выглядели куда страшнее истощенного лица наследника.

Они присели за столик. По знаку Минчжу слуги опустили сундук на землю. Барышня сама откинула тяжелую крышку и негромко произнесла:

— Это подарки от нашей Старой госпожи Ван. Она шила эти вещи для тебя своими руками, сверяясь с моим ростом. Из-за огромного расстояния прислать их раньше не было возможности, но теперь, когда я вернулась, она велела передать их тебе. Пусть они останутся на память.

Цинюань заглянула внутрь. Весь сундук доверху заполняли одежды. На самом верху лежали крошечные распашонки с неровными, робкими стежками, сшитые явно на новорожденного.

Ниже одежда постепенно становилась крупнее — целый короб вещей, от младенчества до юности.

Цинюань разочарованно скривила губы и отвернулась в сторону.

Минчжу ласково провела рукой по ткани, и перед её глазами возник образ Старой госпожи Ван, склонившейся над шитьем при тусклом свете свечи. Горло девушки сжал спазм, а в глазах зашипало.

<http://bllate.org/book/20088/2001981>